

УДК 340

ИДЕЙНАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА В СССР В 1930-Х ГОДАХ В ПОЛИТИЧЕСКИХ РАБОТАХ А.Ф. КЕРЕНСКОГО

© 2025 г. А. В. Никандров

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: bobbio71@mail.ru

Поступила в редакцию 29.11.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена малоизученной странице из биографии А.Ф. Керенского, связанной с его эмигрантской публицистической деятельностью 1920–1930-х годов, посвященной размышлениям об СССР. В конце 1920-х гг. в серии статей по проблемам развития Советского государства А.Ф. Керенский сделал прогноз о том, что СССР будет развиваться в направлении усиления национального единства и преодоления классового разделения, от «государства классов» к народовластию. Он констатировал, что в СССР усилиями государства создается новая государственная идеология взамен «старой», основанной на принципах пролетарского интернационализма и диктатуры пролетариата. В публикациях 1936 г. А.Ф. Керенский раскрыл существо нового принципа всенародного государства, который, по его мнению, был положен И.В. Сталиным в основание новой идеологии Советского государства.

Ключевые слова: Советское государство, бесклассовое общество, всенародное государство, Конституция СССР 1936 г., И.В. Сталин, А.Ф. Керенский, Е.Б. Пашуканис.

Цитирование: Никандров А. В. Идейная динамика развития теории государства в СССР в 1930-х годах в политических работах А.Ф. Керенского // Государство и право. 2025. № 3. С. 173–182.

DOI: 10.31857/S1026945225030161

IDEOLOGICAL DYNAMICS OF THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF STATE IN THE USSR IN THE 1930^S IN THE POLITICAL PUBLICATIONS OF A.F. KERENSKY

© 2025 A. V. Nikandrov

Lomonosov Moscow State University

E-mail: bobbio71@mail.ru

Received 29.11.2024

Abstract. The article is devoted to a little-studied episode from the life and biography of A.F. Kerensky, connected with his emigrant journalism of the 1920^S–1930^S, dedicated to his reflections on the USSR. In the late 1920^S, in some political articles, he predicted that the Soviet state in the domestic sphere would develop in the direction of national and state unity and overcoming the division into classes, from a “class state” to a democratic state. A.F. Kerensky expresses confidence that a new ideology is being created in the USSR, which will be adopted to replace the old one, based on the principles of proletarian internationalism and the dictatorship of the proletariat. In a number of important publications in 1936, on the problems of Soviet constitutional reform, he reveals the essence of the principle the of State of all the people, which is incompatible with the principle of the dictatorship of the proletariat. In a series of articles of 1936, A.F. Kerensky reveals the essence of the new principle of the State of all the people, which, in his opinion, was laid at the foundation of the new ideology of the Soviet state by I.V. Stalin.

Key words: Soviet state, classless society, State of all the people, Constitution of the USSR of 1936, I. V. Stalin, A. F. Kerensky, E. B. Pashukanis.

For citation: Nikandrov, A. V. (2025). Ideological dynamics of the development of the theory of state in the USSR in the 1930s in the political publications of A. F. Kerensky // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 173–182.

А.Ф. Керенский, «сталинский поворот» 1930-х годов и Конституция СССР 1936 г.

Публицистическая деятельность А.Ф. Керенского, связанная с изданиями «Дни» и «Новая Россия», равно как его жизнь и деятельность в эмиграции в целом, — эти темы не обойдены вниманием историков. Однако публицистика А.Ф. Керенского, в основном посвященная политике и идейной жизни СССР, в целостном виде не проанализирована, несмотря на солидный объем и содержательное разнообразие, а также на факты идейного развития Керенского, его превращения в значимую фигуру эмигрантской политической мысли и полемики и, наконец, его становления в качестве теоретика. Политические работы Керенского обоснованно могут считаться обладающими теоретической значимостью. Хотя он, может быть, и не достиг уровня политического мыслителя и признанного теоретика, тем не менее в своих работах 1930-х годов Керенский выступил как отнюдь не поверхностный теоретик, исследователь в области теории и идеологии Советского государства. В частности, в области анализа идейных новаций Конституции 1936 г. Керенскому удалось проникнуть в существо советского дискурса. С этой глубиной его взгляда на советскую жизнь и мысль связано то обстоятельство, что его рассуждения и риторика в целом, направленная против классового подхода и диктатуры пролетариата, по первостепенному вопросу о государстве начиная с определенного момента удивительным образом будет консонировать с противоречивой советской политической теорией и риторикой, которая в 30-х годах начнет движение по направлению к утверждению всенародного государства. Ему удалось обнаружить важный нерв советской теории государства: речь идет о нереализованном в сталинскую эпоху принципе всенародного государства, которым советские идеологи и теоретики, действующие во главе с И.В. Сталиным, предполагали провозгласить Советское государство, — в 1936 г. в новой Конституции, а в 1947 г. в новой программе ВКП(б), не принятой в сталинское время.

Немаловажно, но в данном случае вполне типично то, что Керенский в своих работах второй половины 30-х годов отразил существенные аспекты того комплекса новаций советской политики и культуры, которые вводились в 30-е годы и в своем единстве представляли изменение парадигмы жизни и мысли Советского государства.

Речь идет о том политическом, культурном и идеологическом повороте СССР, который обычно именуется «сталинским поворотом», и кульминацией развития сущности и вместе с тем противоречий которого стала Конституция СССР 1936 г. Это комплекс решений в области государственной политики СССР, системно проводимых в жизнь советским руководством во главе с И.В. Сталиным начиная примерно с 1931–1932 гг. Речь идет о коренном сдвиге в политике Советского государства, существо которого связано с переменной парадигмы с интернационализма и мирового революционаризма на советский государственноцентризм и патриотизм. Фундаментальным противоречием «сталинского поворота» было противоречие между центральными постулатами марксизма, который полагался в основание теории государства и идеологии в СССР, и потребностями государства в плане его теоретического оформления. При том, что новое государство должно быть теоретически построено на базе марксизма, в качестве источника власти в Советском государстве должен быть определен народ.

Это трудноустраняемое противоречие рельефно проявилось в Конституции СССР 1936 г. Даже поверхностный взгляд на этот текст показывает нечеткость положений и определений. Центральной является ст. 3, которая, по логике документа, определяет источник советской власти — это «трудящиеся города и деревни в лице советов трудящихся». В ст. 34 и 35 без установления связи с «трудящимися» вводятся «граждане СССР». Статьи 1 и 2 не имеют ко всей этой конструкции отношения, и могут быть без ущерба изъяты из текста: первая имеет риторический смысл, а вторая — исторический, и обе лаконично напоминают читателю о классах и о диктатуре пролетариата, т.е. о принципах марксизма. Термин «трудящиеся», объединяющий рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию и заставляющий вспомнить эсеровскую риторическую терминологию народных социалистов, введен скорее для того, чтобы запутать всю конструкцию, а не установить ясность. «Трудящиеся» концептуально замещают народ, вбирая в себя оба класса и нивелируя тем самым классовость государства. Народ появляется в блоке ст. 4–6, в которых устанавливается, что государственная собственность является всенародным достоянием (*res publica*, если перевести это словосочетание на язык римской политической мысли). Из этой постановки, по общей логике вещей, вытекает, что и само

государство является всенародной собственностью или, во всяком случае, может быть определено как всенародное (*res publica*). Но Советское государство так не определяется. Задача сталинского доклада — «расплавить» изначальные смыслы «прототекста» и, пересоздав их в специально усложненной и «спрессованной» конструкции, затемнить первоначальный замысел, изначальный план, ясный и логичный; но затемнить не до конца, а сделать так, чтобы исходный замысел «проглядывал» сквозь лаконичные и тяжеловесные конструкции.

Первоначальный замысел состоял в провозглашении СССР всенародным государством. Подведением к этому стало выдвижение на XVII конференции ВКП(б) (1932) задачи: не ослабляя, а наоборот, усиливая государство пролетарской диктатуры, построить в СССР к концу пятилетки бесклассовое общество. Это следовало не только из первоначальных вариантов Конституции, в которых полагалось, что в СССР деления на классы больше нет, но и из ряда статей, опубликованных в советских журналах и газетах в апреле-мае 1936 г. перед появлением проекта новой Конституции 12 июня. В этих текстах констатировалось, что Советское государство является всенародным или подлинно народным. Авторами были известные советские политики и идеологи: Е. Б. Пашуканис, А. И. Стецкий, М. Б. Митин, А. Я. Вышинский и др. Статья Е. Б. Пашуканиса «Всенародное советское государство» была опубликована в «Правде» 9 мая 1936 г. В ней утверждалось: «Диктатура пролетариата создала и выковала действительно единый народ, не раздираемый классовыми противоречиями. <...> Советское государство — всенародное государство. Наше государственное дело — всенародное дело»¹. Автор практически прямо цитирует слова Цицерона о государстве как о достоянии (или деле) народа. В этой же статье есть пассаж, важный в отношении к А. Ф. Керенскому, ибо это был выпад, направленный против той политической линии, к которой принадлежал Керенский, и на который он ответит: «Когда-то народнические партии — в частности трудовики — заявляли, что их цель — объединить все трудящиеся классы: фабрично-заводских рабочих, крестьянство и трудовую интеллигенцию. Эти широкие задачи они противопоставляли “узости” марксистов-большевиков, которые якобы исходили только из интересов пролетариата. Ленин и Сталин в своей критике, направленной против народников, вскрывали всю фальшь, все убожество этих словесных попыток утвердить единство трудящихся на базе сохранения капитализма»².

¹ Пашуканис Е. Всенародное советское государство // Правда. 1936. 9 мая. С. 2.

² Там же.

Политическая риторика А. Ф. Керенского до 1936 г.

В студенческую пору Керенский, посещая собрания народников, проникся их идеями, и это определило его политическое мироощущение. Идеи марксизма не были ему близки из-за провозглашаемого принципа классовости, а также по причине большей стройности и логичности и, стало быть, сложности, чем расплывчатые народническо-социалистические идеи. Несмотря на склонность к политической мысли и наукам, его больше привлекала возвышенная риторика, нежели анализ и теория. Политические убеждения Керенского оказались наиболее близки к системе идей и программных заявлений народно-социалистической партии. Политическими и риторическими максимумами Керенского стали идеи свободы, единства трудового народа (т. е. рабочих, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции), народовластия и народного государства; идеи социализма, понимаемого в народническом ключе; гуманизм и апология личности. Он был против любого рода диктатуры, не важно, личности, партии или класса; а пафос революции был у него в большей степени моральным, чем политическим: «Я глубоко убежден, что дело Освобождения трудящихся масс будет подвигом величайшей человечности или его совсем не будет. Не только труд, но и сам Человек — ценность непреходящая и неприкосновенная»³. Керенский формулирует «основной закон всякой революции»: «все для народа и все через народ»⁴.

«Летописец революции» Н. Н. Суханов дает такие оценки личности А. Ф. Керенского «Знаменец великой демократической революции», Керенский «был искренний демократ, борец за торжество революции — как он понимал ее». Он утверждает, что «у Керенского и не было никакого строго выработанного направления, никакой сколь-либо законченной системы воззрений». Однако, продолжает Н. Н. Суханов, он «живо интересовался теоретической работой, он меньше всего ленился использовать ее, но все же ему решительно не удавалось построить систему взглядов»⁵. По словам М. И. Басманова, Г. А. Герасименко и К. В. Гусева, «его идеология была эклектичной: что-то взято из социалистической идеологии, что-то — из идеологии буржуазного либерализма, а что-то строилось из проповедуемой им (и это уже действительно принадлежавшей только ему) идее возвращения

³ Керенский А. Ф. Издалёка. Сб. статей (1920–1921 г.). Париж, 1922. С. 47.

⁴ Там же. С. 67.

⁵ А. Ф. Керенский: Pro et contra. Антология / сост. А. В. Николаев. СПб., 2016. С. 536–538.

России к Февралю». Авторы книги приводят одно из высказываний Керенского: «Свобода есть для меня конечная цель всякой политической, общественной и личной деятельности. Я скажу: как Ленин был фанатиком насилия, так я — фанатик свободы»⁶. Романтизация Февраля и риторика «возвращения к Февралю», противопоставленного «незаконному» и «незакономерному» Октябрю, была важнейшей частью его творчества. Если Февраль в жизни Керенского был связан с феерией его взлета к вершинам власти и всероссийской славы, то Октябрь — наоборот, со столь же стремительным падением. С «Февральской риторикой» Керенского связана и апологетика труда, трудового народа и единства всех трудящихся. Однако Февраль, по убеждению его главного героя, был прерван «реакционным», «разрушительным» Октябрем, который полагался им началом бедствий для России, и так *новая демократическая народная Россия* не состоялась по вине Ленина и большевиков.

Отношение Керенского к Ленину и большевизму, определенное этой «антиномией Февраля и Октября», в свою очередь определило направленность его риторики и содержание «Дней». Отрицательное отношение к Сталину, определившееся к концу 1920-х годов, не носило у Керенского прямолинейный характер, однако во многом оно было подобно отношению к Ленину: в своем неприятии Керенский исходил из негативного отношения к диктатуре вообще (а советский режим изначально полагается им диктатурой без каких-либо сомнений: это был догмат почти всей эмиграции). «Дни» характеризуются неприятием и недружелюбной критикой политики СССР, любых решений и действий советской власти. Редакция «Дней», получая новости из Советской России, отбирала самые негативные, — и советская действительность показывалась сквозь «черные очки», а любые инициативы советской власти на страницах «Дней» обязательно «терпели крах». При этом Керенский постоянно «находил» свидетельства «недовольства диктатурой» и «жажду свободы», якобы скрытую в недрах России, т.е. видел ровно то, что ему очень хотелось видеть. Впрочем, искаженное восприятие не может затемнить того факта, что Керенский очень внимательно читал советскую прессу, был в значительной степени погружен в советскую действительность, впитывал всю информацию, разными путями поступающую из СССР.

С конца 1927 г. риторика «Дней» начинает меняться. В передовой статье за авторством явно Керенского ноября 1927 г. «“Октябрь” исключен», написанной по мотивам исключения из ВКП(б) Г.Е. Зиновьева и Л.Д. Троцкого, т.е. действующих

творцов и «живых символов» Октября, выражается уверенность в том, что «лишение Троцкого и Зиновьева всех привилегий... символизирует явление действительно огромного исторического значения. “Октябрь”, как идея разрушения... **исключен** ныне из обихода России». Исключению Троцкого и Зиновьева из партии придается значение «перехода через Рубикон»: это событие приравняется к «исключению» самого Октября. Автор подчеркивает, что новая «идея-сила сталинского аппарата» есть отрицание идеи Октября; что, если «ленинская идея разрушала — теперь надо строить», и потому аппарат выбросил старые «разрушительные идеи»⁷. Декабрь 1928 г. был озаглавлен новыми идеями и мотивами в публикациях Керенского. В статье «Государство прежде всего» он вкладывает в уста некоего спеца из России, беспартийного бюрократа, слова: «Для коренного преобразования существующего строя нужна, прежде всего, **идея**. Идеи-то у нас и нет. Мы ее ищем»⁸. В ответ на этот «запрос» Керенский подвергает критике властвующий в СССР «советский идеократизм», т.е. ленинизм, как разрушительную для страны идеологию, от которой необходимо избавиться. Для вывода России «из тупика идеократического положения» и преодоления «идеократического насилия ленинизма» он довольно-таки путано формулирует нечто вроде основ будущей новой идеологии России, базовым постулатом которой должна стать идея всевластия государства: «**Эта идея — полновластие, всевластие государства.** <...> Прежде, чем насаждать в России определенный демократический государственный строй, **нужно сначала восстановить суверенитет, верховенство в стране самой государственной власти**»⁹.

В работе «Идея на службе государству» Керенский продолжает развивать новые мысли, подтверждая верность идеалам народовластия и акцентируя приверженность этатизму, принципам которого он и в самом деле был привержен: «Я всегда был абсолютным государственным. <...> Государство для меня всегда было **сверх-личной, абсолютной, положительной, творящей ценностью**». Именно этатизм служит в его новой риторике противовесом идеократизму: «**Идеи должны быть на службе государству**», идеократия же, напротив, «подчиняет своей частной, партийной идее все государство». Отсюда Керенский делает вывод о недопустимости господства «**индивидуальных, словных или классовых идей над всеми прочими, над**

⁷ Передовая. «Октябрь» исключен // Дни. 1927. 16 нояб. С. 1.

⁸ Керенский А.Ф. Государство прежде всего // Дни. 1928. 9 дек. С. 1.

⁹ Там же. С. 2.

⁶ Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В. Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996. С. 184.

самим государством»¹⁰. По его давнему убеждению, политическим строем, не допускающим установления диктата класса над государством, является демократия. Новые мотивы и оригинальные тезисы, напоминая программные заявления, выставленные Керенским, вызвали в среде эмиграции удивление и привели к полемике. Публицист В. В. Сухомлин справедливо упрекнул Керенского в том, что его построения страдали «одним существенным пороком — неясностью, отсутствием “политических выводов”»; также эти «рассуждения о необходимости восстановить в России “всевластие государства”» производили пугающее впечатление¹¹. Интересно, что мысли и ощущения Керенского, в той их части, где его этактизм приобретает наиболее ригористичное звучание, были вполне симфоничны с советской идеологией, с 1928–1929 гг., т. е. с момента начала концентрации полномочий управления государством в руках И. В. Сталина, встающей на путь отбрасывания тезиса об отмирании государства и на путь этатизации марксистского учения. Само название статьи, «Идея на службе государству», выражает предчувствие будущей сталинской «пересборки» марксизма, в итоге которой, по выражению Н. А. Бердяева, марксизм войдет в пятилетний план. Керенский выражает уверенность в грядущей демократизации России, чему должна послужить ликвидация «надгосударственной, партийной диктатуры», что, в свою очередь, приведет к перерождению большевистской диктатуры: «Я уверен... в направлении, куда пойдет Россия, преодолевая большевизм. Она пойдет к раскрепощению»¹².

Таким образом, в новой этатистской риторике 1928–1929 гг. Керенский, выступая против классово-партийного принципа построения государства, связывает принципы сильного государства и народовластия как такие, которые должны стать определяющими для Советского государства, движущегося по пути от классовости к национальному единству. Конечно, у публициста на данном этапе не лучшим образом получается выход на уровень теории, и в качестве определяющих интеллектуальных способностей в его прогнозах 1928–1929 гг. служат интуиция и предвидение — способности, которые всегда были сильными сторонами его личности. Развитая интуиция позволила ему в конце 1920-х годов заглянуть за политический горизонт именно в той сфере, которая открывается немногим, — в сфере философии и теории государства. Его предчувствия окажутся верными: в начале 1930-х годов

СССР начнет уверенное движение от интернационализма к этатизму, курсом на усиление государства не только в практическом плане, но и в теоретическом, т. е. курсом на построение новой теории государства на началах всенародности. Противоречивые итоги этого процесса отразятся и кристаллизуются в Сталинской Конституции.

**От бесклассового общества
к всенародному государству:
А. Ф. Керенский о Советском государстве
и о Конституции СССР 1936 г.**

По мере роста Керенского как политического публициста его тексты становились все более концептуальными, конструктивными и сдержанными. Позиция по отношению к СССР и Сталину постепенно обретала более строгие очертания, становилась существенно менее негативной, однако до конца последовательной она так и не станет. Керенский напряженно вглядывался в советские реалии, подмечая изменения в советской политике. Новый журнал обязан этим изменениям, в совокупности представляющими собой «сталинский поворот». 8 марта 1936 г. вышел первый номер «Новой России» — это словосочетание он берет из своей «Февральской риторики». «“Новая Россия”, — пишет Керенский, — это не только заглавие журнала, но и общее знамя в нем пишущих»¹³. На этом знамени он начертывает слова «народное государство». Опять-таки, как и в 1928–1929 гг., перед нами заявления, носящие отчетливо программный характер, но не выливающиеся в какую-либо более или менее четкую программу: Керенский не выдвигает новую программу, но продвигает *новую риторику*. Суть и направление всего происходящего в СССР он видит в том, что «вечная сущность России, преодолевая все над ней производимые идеологические жесточайшие опыты, ищет новых форм своего бытия. В этом весь смысл ныне происходящих событий в СССР». В поиске новых форм «из ленинского “плацдарма мировой революции”... Россия превращается в народное государство. Эти два слова уже сказаны Сталиным». — Однако «народное государство — это отрицание диктатуры. Народное государство может быть только государством **свободным**»¹⁴. Здесь Керенский удивительным образом практически точно угадывает, какой именно термин будет вскоре использован советскими идеологами. Следует подчеркнуть, что хотя изменения в политике и культуре Советского Союза к середине 1930-х годов увидели многие эмигранты, а некоторые отметили изменения

¹⁰ Керенский А. Ф. Идея на службе государству // Дни. 1928. 16 дек. С. 2, 3.

¹¹ Керенский А. Ф. Недоумения В. В. Сухомлина // Дни. 1929. 24 февр. С. 2.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Керенский А. Ф. Новая Россия // Новая Россия. 1936. 8 марта. С. 1.

¹⁴ Там же.

и в советской идеологии, новации в *теории* удалось зафиксировать и концептуализировать только Керенскому.

В номере 2 «Новой России» Керенский «цитирует» Сталина: «Мы можем с полным правом сказать: да, наше государство народное. Мы говорим теперь с полным правом — наш народ, правительство народов СССР»¹⁵. Говорил ли Сталин о «народном государстве» или же Керенскому это «послышалось»? В этой весьма творческой «цитате» проявилась интуиция Керенского, его острое и внимательное к изменениям политического климата чувство, которое и позволило ему точно назвать *новый термин* советской теории государства — «народное государство» — за два месяца до начала его ротации. Он чувствует и описывает общий поворот советской культуры и политики к началам этатизма и патриотизма, справедливо полагая, что в недрах правительства вызревает *новая идеология*: «Пересмотр школьных программ. Восстановление дисциплины. Борьба за укрепление семьи. <...> Наконец, развертывание плана, так называемых конституционных реформ. Все это свидетельствовало, что за внешними бытовыми послаблениями власти населению скрывается **какой-то общий план, какая-то новая генеральная линия**. Чувствовалось, что вместе с ростом личного самовластия, самодержавия Сталина созревает в недрах Кремля какая-то государственная идеология»¹⁶. Разумеется, новая идеология, контуры которой Керенский определил в 1928 г., не может исходить из классового разделения и должна быть нацелена на единство народа и государства: «Нужно найти какую-то новую руководящую идею, которая бы объединила самые широкие слои народа и отвечала какому-то чувству, звучащему одинаково у каждого. В нынешней России такой объединяющей идеей **не может быть идея класса**. <...> Какую идею можно поставить на место класса, которая бы встречала наибольший отклик в сердцах, какая идея, преодолевая рознь, выковывала бы на случай опасности единство народного сознания? Конечно, идея **родины, нации, государства**»¹⁷.

Основная идея риторики Керенского состоит в установлении того, что Сталин и советские строители теории государства и идеологии отказываются от идеи диктатуры пролетариата и возвращаются к идее всенародного государства, имеющей, по Керенскому, народнические истоки. Именно для того, чтобы прийти к всенародному государству, и был

выдвинут тезис построения бесклассового общества, — как метод «технического» отказа от диктатуры пролетариата. Такова суть новой советской идеологии, которая начала вызревать с конца 1920-х годов. Идея и практика всенародного государства противоречили не только пролетарской диктатуре, которую, как был уверен Керенский, Сталин пытается нивелировать, заменив своей личной диктатурой, но и ведущей роли партии в Советском государстве. Однако партия начала подвергаться изменениям вовсе не с тем, чтобы дать дорогу народовластия, а для укрепления личной диктатуры Сталина. Этой же цели служит и создание «нового правящего слоя» — уже не на принципах партийности и принадлежности к пролетариату, а на новых основах служения государству. Тезис о диктатуре Сталина Керенский проводит в весьма навязчивой форме, без внимания к фактам, ставящим этот «догмат» под сомнение.

Статья «Советское государство и ВКП» была своего рода полемическим ответом на статью Е.Б. Пашуканиса «Всенародное советское государство» («Правда», 9 мая). Е.Б. Пашуканис, один из ведущих советских ученых-правоведов, утверждал, что Ленин и Сталин разоблачили фальшь и убожество «народнических партий, в частности, трудовиков»¹⁸. Керенский ответит на этот выпад, однако в центре его внимания — всенародное государство. Его он встраивает в единую цепь теоретических изменений: от концепции социализма в одной стране к концепции бесклассового общества и, наконец, к утверждению собственно всенародного государства: «Через государство пролетарской диктатуры шли к его отмиранию в бесклассовом обществе, а пришли к “всенародному государству”, хотя и “бесклассовому”, но где “мощная государственная власть необходима”». Он однозначно интерпретирует эту новацию как ревизию, если не отмену принципа диктатуры пролетариата, и в ответ на «фальшь и убожество» не без сарказма замечает: «ВКП возвращается к “контрреволюционной”, столько раз в пух и прах разбитой Лениным *народнической* идее о “всенародном государстве”»¹⁹. Керенский устанавливает истоки этой идеи и указывает на принципы единства трудового народа, т.е. трудящихся классов, и народного государства, выдвинутые народными социалистами, с принципами и деятельностью которых он был хорошо знаком.

¹⁵ Керенский А. Ф. Россия или Коминтерн? // Новая Россия. 1936. 22 марта. С. 1.

¹⁶ Керенский А. Ф. От Ленина к Муссолини // Новая Россия. 1936. 1 июня. С. 1.

¹⁷ Керенский А. Ф. На место класса — нация // Новая Россия. 1936. 1 дек. С. 3.

¹⁸ Под «трудовиками» в советской литературе тех лет подразумевали, вслед за Лениным, энесов и эсеров (т.е. неонароднические партии), а также думскую Трудовую группу. Ко всем этим политическим силам, надо заметить, А.Ф. Керенский имел известное отношение.

¹⁹ Керенский А. Ф. Советское государство и ВКП // Новая Россия. 1936. 17 мая. С. 2.

Действительно, в программе Трудовой народно-социалистической партии, составленной в 1906 г. (основная заслуга в этом принадлежит А.В. Пешехонову), записано: «Все для народа и все через народ — таков наш лозунг. <...> Мы... направим свои усилия к тому, чтобы сделать государство народным. <...> Не только по своей форме, но и по внутреннему своему содержанию государство должно сделаться народным»²⁰. Очевидно, что «народное государство» энесов, «всенародное государство» сталинской идеологии (риторика 1936 г. и проект программы ВКП(б) 1947 г.) и «общенародное государство» из программы КПСС 1961 г. концептуально и исторически связаны отношениями идейной преемственности и последовательности, и являются развитием глубокой идеи единства государства и народа, получившей особо сильную разработку в политической мысли народников-государственников (прежде всего, в идее самодержавия народа Л.А. Тихомирова и в творчестве идеолога энесов А.В. Пешехонова с его триадой «личность — труд — народ»). При этом три российских проекта народного государства, связанные с партийными программами, не тождественны, по существу, идеалу и проектам западноевропейской демократической республики и из них не исходили: программа энесов вообще не выставляет требования демократической республики, а в программе РСДРП «демократическая республика» дублируется «самодержавием народа». Главное отличие состоит в том, что все три отечественные концепции и программных проекта исходят из общенародной собственности на землю, недра, средства производства и пр., конструируемой в форме государственной собственности. Вторая важная черта трех проектов состоит в том, что ни в одном в них нет противоречий с принципом монокрации. Концептуальный приоритет, исходя из программы 1906 г., принадлежит партии народных социалистов, и в этом смысле Керенский в своем утверждении о *народнической* идее всенародного государства оказывается прав. С другой стороны, из всего этого четко устанавливается источник сталинского «всенародного государства»: это программа энесов 1906 г.

Новацию советской идеологии Керенский принимает как победу своей точки зрения о разрушительности «ленинского идеократизма», и в более сильном ключе — как торжество идеи народовластия, к которой, по его мнению, вынужден возвратиться Сталин. Уверенный в этой идейной победе, он демонстрирует поддержку Сталину в отмене

²⁰ Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы / сост. А.В. Сыпченко, К.Н. Морозов. М., 2003. С. 65, 66. Далее записано, что партия называет себя социалистической, так как, выступая против частной собственности, выставляет требование общественной собственности на «всю землю... все средства производства» (см.: там же. С. 66).

диктатуры пролетариата: «“Социализм в одной стране” стремительно, наперекор всем законам хозяйственного развития, проскочил в “бесклассовое общество”. Да будет так. В конце концов не так уже важно, под каким словесным прикрытием Сталин принужден признать, что государство пролетарской диктатуры оказалось “всенародным государством”, в котором “объединены” для общего социального творчества все трудящиеся классы». Своеобразная поддержка Сталина не означала признания Керенским искренности намерений советского руководства, — он остается при своих «классических» убеждениях (или, точнее, заблуждениях): «Задача, поставленная себе Кремлем, ясна: **создавая под давлением настойчивых требований новой России... видимость всенародного государства, сохранить по существу все самовластие партийного аппарата**»²¹.

Всенародное государство в СССР на деле, с точки зрения Керенского, невозможно прежде всего по причине несоответствия роли партии в Советском государстве существу народовластия: ведь партия «по самой природе своей, по идеологии, по задачам... совершенно не соответствует роли руководителя всей деятельностью **всенародного**, т.е. многопартийного или внепартийного, по самой природе своей, государства». Керенский констатирует попытки Сталина «вырвать государственный аппарат из узких мертвящих рамок фанатизма партийных активистов», сконструировав понятие и продвигая практику «беспартийных большевиков» (после 1936 г. она выльется в идею и практику «блока коммунистов и беспартийных»). Однако этого, по мнению Керенского, мало: он выставляет «требование» отделения партии от государства²². Сложно сказать, насколько серьезно сам публицист относился к своим предложениям, однако здесь он задевает еще один болезненный нерв советской теории государства — задачу встраивания правящей партии в новые теоретические конструкции государства. Фундаментальной проблемой была невозможность отделить партию от государства, так как партия, замыслившая и создавшая Советское государство, и была этим государством в своем существовании. Сталин подошел к разрешению проблемы партии и государства именно с этой стороны, предприняв попытку теоретического пересоздания партии как партии всего народа (ход мысли рискованный, однако он определялся логикой всенародности государства), но не довел это до конца.

Последним аспектом, важным в связи с работой «Советское государство и ВКП», является скрытый полемический поединок, своеобразная

²¹ Керенский А.Ф. Советское государство и ВКП. С. 2.

²² См.: там же.

«интеллектуальная дуэль» А. Ф. Керенского и Е. Б. Пашуканиса (так во всяком случае это вытекает из динамики текстов). Ни в других работах Пашуканиса, ни в публикациях апреля-мая 1936 г. критика принципа народного государства «народников и трудовиков» не выдвигалась, а всенародное государство не конструировалось в противопоставлении тем идеям, на которые они опирались²³. Не исключено, что пассаж Пашуканиса о «народниках и трудовиках» являлся выпадом именно против Керенского: слишком отчетливо оформлена эта аллюзия. Керенский и полагает ее вызовом, направленным ему в ответ на фразу из дебютного номера «Новой России» о том, что Россия превращается в народное государство. Слова же Керенского о том, что партия *возвращается к контрреволюционной* народнической идее о всенародном государстве, как это можно предположить, являются ответом на замечания о фальши и убожестве народников (не менее болезненным уколom было приписывание народникам, отвергающим капиталистический путь развития России, идеи утвердить единство трудящихся на базе сохранения *капитализма*).

Полемика с советскими идеологами будет проходить через другие работы Керенского: «возревановав» о народовластии, которое он искренне полагал *собственной* идеей и *интуицией*, Керенский будет стремиться как можно более полно раскрыть и обосновать это убеждение. Он усиливает постановку о всенародном государстве и подчеркивает связь этого термина с концептом «бесклассовое общество»: говоря о *новой государственной идеологии*, созревающей в недрах Кремля, он утверждает, что «именно для этой новой идеологии понадобилось **“бесклассовое общество”**». «Новое» общество, которое можно положить в основание **“всенародного государства трудящихся”**. Здесь публицист как бы восстанавливает сталинскую логику: «Чтобы выйти из заколдованного круга пролетарской диктатуры, в самом корне своем несовместимой с идеей всенародного государства, пришлось прибегнуть к героическому средству: объявить в СССР все классы больше не существующими»²⁴. Другая новая идея Керенского состоит в смелой для эмигранта констатации прогрессивности «новой диктатуры» по сравнению со «старой», т.е. пролетарской:

²³ Терминологически объектом «негативной референции» советской риторики был не программный принцип народных социалистов 1906 г., а политическое требование германской социал-демократии, выраженное разработанным в 1860-х годах В. Либкнехтом термином «свободное народное государство», впоследствии подвергнутое критике Марксом и Энгельсом. Нельзя сказать, что к этой теоретической линии принцип народного государства энесов не имеет никакого отношения, однако утверждать о существенном влиянии этой линии на народных социалистов оснований нет.

²⁴ Керенский А. Ф. От Ленина к Муссолини. С. 1.

«Диктатура, построенная на классовой основе... является диктатурой, обязательно разрушающей государство, ибо она противоречит самой **природе** государства... За то, что я считал и считаю диктатуру, опирающуюся на идею всенародного государства... менее разрушительной для государства, меня пытались даже зачислить в “фашисты”»²⁵.

После опубликования проекта новой Конституции Керенский продолжает полемику с советской мыслью, только теперь место Пашуканиса занимает Сталин: «Сталин вместо диктатуры пролетариата, которую удаляют на задний план, объявляет Россию всенародным государством всех трудящихся и восстанавливает то самое всеобщее избирательное право и ту самую демократическую конституцию, которые объявлялись смертным грехом социал-предателей»²⁶. Керенский настаивает на утверждении об упразднении системы советов: «Самое важное: слана **пролетарская диктатура, уничтожена сама советская система**, ибо вместо классово-куриальной системы многостепенных выборов вводится территориальная система прямых выборов и уничтожается всякая иерархическая связь между советами снизу и доверху. Отныне под названием “советы” СССР будет иметь обычные местные и центральные представительные учреждения, обычные по конструкции»²⁷. Он утверждает: «Признание нации, народа, государства как единства, связанного общим прошлым, общей территорией, единством психологического склада, обязало, во имя укрепления своей личной диктатуры, Сталина **перестроить весь каркас государства сверху донизу на новых общенародных началах**»²⁸.

Важнейшая идея, проходящая сквозь все тексты Керенского о новой Конституции, состоит в обоснованной уверенности в том, что СССР предстает в Конституции как всенародное государство. Эта уверенность не была поколеблена отсутствием самого термина в Конституции. Керенский полагает ее задачей утверждением именно всенародного государства со всеми атрибутами демократии. Дело здесь не в невнимательности публициста к терминам: суть в том, что Керенский продвигает свою основную идею о том, что даже реализуя под прикрытием демократических установлений планы укрепления социальной базы своей личной диктатуры, Сталин, может быть, неосознанно и вопреки своим интенциям, следует исторической логике возрождения «новой России» с ее волей к свободе.

²⁵ Керенский А. Ф. Фашизация сталинизма // Новая Россия. 1936. 1 июля. С. 2.

²⁶ Керенский А. Ф. Вступительное слово // Новая Россия. 1936. 1 июля. С. 5.

²⁷ Там же.

²⁸ Керенский А. Ф. Фашизация сталинизма. С. 2.

Поэтому, в отличие от многих зарубежных наблюдателей и критиков, Керенский не принимает идеи сугубой фасадности новой Конституции (на чем настаивал, к примеру, Л.Д. Троцкий) и полагает ее *Конституцией всенародного государства*.

* * *

А.Ю. Ширинский-Шихматов зачисляет Керенского в ряды сторонников национал-большевизма: «А.Ф. Керенский — на редкость чуткий “сейсмограф” эмиграции. Целый ряд его утверждений приближается к нашим, хотя бы и в области терминологии... Кое в чем это приближение даже выходит за пределы терминологических совпадений: докладчик так же, как и мы, национал-большевики... полагает, что считать происходящую в России национализацию революции за простой маневр нельзя... что в стране происходит первостепенного значения процесс органического восстановления нарушенных революцией национально-исторических преемственностей»²⁹. В самом деле, развитая интуиция позволила Керенскому увидеть и определить тонкие, трудноуловимые движения советской политической мысли в теории и идеологии Советского государства. В том, что касается принципов народовластия, его работы, посвященные развитию советской теории государства, действительно заключают в себе глубокие мысли и прозрения. Причиной такой вдумчивости и столь глубокого погружения Керенского в глубины советского политического дискурса была своего рода «ревность о демократии», которая заставляла его быть чутким к малейшим изменениям не только лексики советских текстов, но и их тональности. Однако изначальная удаленность Керенского от марксизма и от строгой теории вообще послужила ему плохую службу: он не смог полностью усвоить понятия целесообразности и необходимости в политике.

Что же касается практики, то Керенский оказался неисправным «сейсмографом». Его «практическое зрение» было до крайности искаженным. Демократические иллюзии и «февральские мечты», а также старые обиды не позволили ему увидеть настоящую логику истории, которая заключалась в необходимости усиления власти партии и системы личной власти Сталина и — благодаря этому — управляемости государства перед стремительно надвигающейся войной. Проявляющееся порой у него понимание действий и идей Сталина, как главы единственного на тот момент социалистического государства, находящегося во враждебном геополитическом окружении, заглушалось у Керенского навязанными политическим идеализмом и эмигрантским окружением оценками советского

руководителя как диктатора, занятого только охраной и усилением собственной власти. Все решения и действия Сталина представлялись Керенскому направленными исключительно на укрепление собственной диктатуры, однако такие выводы не соответствовали контексту времени и не отвечали императивам здравого политического смысла. Здесь сказывалась особая «ревность» в отношении к Сталину как к «демократическому диктатору», ведь в свое время и сам Керенский вполне мог считать себя (и, по всей видимости, считал) «демократическим диктатором», если не единовластным правителем России. «Ревность» к Сталину-диктатору переплеталась с «ревностью» к Сталину-республиканцу, провозглашением СССР всенародным государством как бы освобождающему республику от оков диктатуры пролетариата: ведь Керенский в сентябре 1917 г. единолично объявил Россию республикой, наделив себя правом провозглашения воли народа. И если Керенский был, хотя бы и в ограниченном смысле, готов признать в Сталине демократического диктатора, то признать в нем республиканца он был не в силах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.Ф. Керенский: Pro et contra. Антология / сост. А.В. Николаев. СПб., 2016. С. 536–538.
2. Басманов М.И., Герасименко Г.А., Гусев К.В. Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996. С. 184.
3. Керенский А.Ф. Вступительное слово // Новая Россия. 1936. 1 июля. С. 5.
4. Керенский А.Ф. Государство прежде всего // Дни. 1928. 9 дек. С. 1, 2.
5. Керенский А.Ф. Идея на службе государству // Дни. 1928. 16 дек. С. 2, 3.
6. Керенский А.Ф. Издалёка. Сборник статей (1920–1921 г.). Париж, 1922. С. 47, 67.
7. Керенский А.Ф. На место класса — нация // Новая Россия. 1936. 1 дек. С. 3.
8. Керенский А.Ф. Недоумения В.В. Сухомлина // Дни. 1929. 24 февраля. С. 2, 4.
9. Керенский А.Ф. Новая Россия // Новая Россия. 1936. 8 марта. С. 1.
10. Керенский А.Ф. От Ленина к Муссолини // Новая Россия. 1936. № 7. С. 1.
11. Керенский А.Ф. Россия или Коминтерн? // Новая Россия. 1936. 22 марта. С. 1.
12. Керенский А.Ф. Советское государство и ВКП // Новая Россия. 1936. 17 мая. С. 2.
13. Керенский А.Ф. Фашизация сталинизма // Новая Россия. 1936. 1 июля. С. 2.
14. Пашуканис Е. Всенародное советское государство // Правда. 1936. 9 мая. С. 2.
15. Передовая. «Октябрь» исключен // Дни. 1927. 16 нояб. С. 1.

²⁹ Ширинский-Шихматов А.Ю. Выступление // Новая Россия. 1936. 17 мая. С. 14.

16. Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы / сост. А.В. Сыпченко, К.Н. Морозов. М., 2003. С. 65, 66.
17. *Ширинский-Шихматов А. Ю.* Выступление // Новая Россия. 1936. № 6. 17 мая. С. 14.
8. *Kerensky A. F.* Introductory remarks // New Russia. 1936. No. 8. July 1. P. 5 (in Russ.).
9. *Kerensky A. F.* New Russia // New Russia. 1936. No. 1. March 8. P. 1 (in Russ.).
10. *Kerensky A. F.* Russia or the Comintern? // New Russia. 1936. No. 2. March 22. P. 1 (in Russ.).
11. *Kerensky A. F.* The fascization of Stalinism // New Russia. 1936. No. 8. July 1. P. 2 (in Russ.).

REFERENCES

1. A. F. Kerensky: Pro et contra. Anthology / A. V. Nikolaev (comp.). SPb., 2016. Pp. 536–538 (in Russ.).
2. *Basmanov M. I., Gerasimenko G. A., Gusev K. V.* Alexander Fedorovich Kerensky. Saratov, 1996. P. 184 (in Russ.).
3. Editorial. “October” is excluded // Days. 1927. No. 1239. November 16. P. 1 (in Russ.).
4. *Kerensky A. F.* From afar. Collection of articles (1920–1921). Paris, 1922. Pp. 47, 67 (in Russ.).
5. *Kerensky A. F.* From Lenin to Mussolini // New Russia. 1936. No. 7. P. 1 (in Russ.).
6. *Kerensky A. F.* Idea in the service of the state // Days. 1928. No. 15. December 16. Pp. 2, 3 (in Russ.).
7. *Kerensky A. F.* In place of the class – the nation // New Russia. 1936. No. 17. December 1. P. 3 (in Russ.).
12. *Kerensky A. F.* The Soviet state and the All-Union Communist Party // New Russia. 1936. No. 6. May 17. P. 2 (in Russ.).
13. *Kerensky A. F.* V. V. Sukhomlin’s bewilderment // Days. 1929. No. 24. February 24. Pp. 2, 4 (in Russ.).
14. *Kerensky A. F.* The state comes first // Days. 1928. No. 14. December 9. Pp. 1, 2 (in Russ.).
15. *Pashukanis E.* Soviet state of all the people // Pravda. 1936. May 9. P. 2 (in Russ.).
16. *Shirinsky-Shikhmatov A. Yu.* Speech in the debate // New Russia. 1936. May 17. P. 14 (in Russ.).
17. The labor people’s socialist party: Documents and materials / A. V. Sypchenko & K. N. Morozov (comp.). M., 2003. Pp. 65, 66 (in Russ.).

Сведения об авторе

НИКАНДРОВ Алексей Всеволодович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119192 г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, кор. 4 (Шуваловский учебный корпус)

Authors’ information

NIKANDROV Aleksey V. — PhD in Politics, Senior Researcher of the Department of Theory of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; 27 Lomonosovsky Ave., bld. 4 (Shuvalovsky academic building), 119192 Moscow, Russia